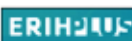

Радбиль Т. Б. Лингвопрагматический потенциал активных процессов в русском неологическом словообразовании новейшего периода / Т. Б. Радбиль, Л. Ясаи, И. Палоши // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 1. — С. 101—121. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-101-121.

Radbil, T. B., Jasazy, L., Palosi, I. (2022). Linguopragmatic Potential of Active Processes in Russian Neological Word Formation of Latest Period. *Nauchnyi dialog*, 11 (1): 101-121. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-101-121. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-101-121

Лингвопрагматический потенциал активных процессов в русском неологическом словообразовании новейшего периода

Радбиль Тимур Беньюминович¹

orcid.org/0000-0002-7516-6705

WoS ResearcherID AAO-6983-2020

Scopus AutorID 57210390493

доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теоретической
и прикладной лингвистики
timur@radbil.ru

Ясаи Ласло²

orcid.org/0000-0002-4618-0815

доктор филологических наук, профессор эмерит
кафедра русского языка и литературы
jaszay.laszlo@btk.elte.hu

Палоши Ильдико Вероника²

orcid.org/0000-0002-8943-8695

кандидат филологических наук,
старший преподаватель,
кафедра русского языка и литературы
palosiildiko@gmail.com

¹ Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

² Университет им. Лоранда Этвеша
(Будапешт, Венгрия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке РФФИ и РЯИК, научный проект
№ 20-512-23003/21
«Активные процессы в современном русском
языке и их изучение в российской и венгерской
лингвистике» (2021—2022)

Linguopragmatic Potential of Active Processes in Russian Neological Word Formation of Latest Period

Timur B. Radbil¹

orcid.org/0000-0002-7516-6705

WoS ResearcherID AAO-6983-2020

Scopus AutorID 57210390493

Doctor of Philology, Professor
Head of the Department
of Theoretical and Applied Linguistics,
timur@radbil.ru

Laszlo Jasazy²

orcid.org/0000-0002-4618-0815

Doctor of Philology, Professor Emerit,
Department of Russian Language and Literature
jaszay.laszlo@btk.elte.hu

Ildiko Palosi²

orcid.org/0000-0002-8943-8695

PhD in Philology, Senior Lecturer,
Department of Russian Language and Literature
palosiildiko@gmail.com

¹ National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

² Eötvös Loránd University
(Budapest, Hungary)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR and
FRILC, project number 20-512-23003/21
“Active processes in Modern Russian and their
research in Russian and Hungarian linguistics”
(2021—2022)

© Радбиль Т. Б., Ясаи Л., Палоши И., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются коммуникативно-прагматические эффекты в порождении и функционировании новых явлений в русском неологическом словообразовании новейшего периода. Речь идет о неодериватах, созданных по узואльному и / или неузואльному моделям. Показано, что за образованием не-одериватов стоят специфические интенции говорящего и адресата, их коммуникативные потребности, нетривиальная тематика общения и обстановка речи, особенности интеракции коммуникантов, их коммуникативных стратегий и тактик и пр. Особое внимание уделяется следующим лингво-прагматическим механизмам с участием неодериватов: операции с семантическими и прагматическими пресуппозициями, операции с инференциями и имплицатурами дискурса, модели реализации условий успешности речевого акта, порождения косвенных речевых актов и речевой репрезентации коммуникативных стратегий *de dicto* и *de re*, контексты употребления метаязыковых операторов. Отмечается, что употребление дериватов приводит к семантической компрессии, смысловой емкости всего выражения за счет актуализации разного рода имплицитной информации. Авторы приходят к выводу, что новообразования в современной русской речи свидетельствуют об общественных умонастроениях, о ценностных приоритетах и речеповеденческих стереотипах носителей современного русского языка.

Ключевые слова:

активные процессы; лингвопрагматика; неологическое словообразование; неодериваты; русский язык новейшего периода.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The communicative-pragmatic effects in the generation and functioning of new phenomena in the Russian neological word formation of the latest period is discussed in the article. It informs about non-derivatives, created according to conventional and / or non-conventional models. It is shown that the specific intentions of the speaker and the addressee, their communicative needs, non-trivial topics of communication and the environment of speech, the features of the interaction of communicants, their communication strategies and tactics, etc. stand behind the formation of non-derivatives. Particular attention is paid to the following linguo-pragmatic mechanisms with the participation of non-derivatives: operations with semantic and pragmatic presuppositions, operations with inferences and implicatures of discourse, models for the implementation of conditions for the success of a speech act, the generation of indirect speech acts and speech reproduction of communicative strategies *de dicto* and *de re* use, contexts of using metalinguistic operators. The emphasis is made on the fact that the use of derivatives leads to semantic compression, the semantic capacity of the entire expression due to the actualization of various kinds of implicit information. The authors come to the conclusion that new formations in modern Russian speech testify to social attitudes, value priorities and speech-behavioral stereotypes of the speakers of the modern Russian language.

Key words:

active processes; linguopragmatics; neological word formation; neoderivative; Russian language of the latest period.

Лингвопрагматический потенциал активных процессов в русском неологическом словообразовании новейшего периода

© Радбиль Т. Б., Ясаи Л., Палоши И., 2022

1. Введение = Introduction

В статье обсуждаются новые результаты совместного научного проекта российских и венгерских ученых¹ в области изучения активных процессов в русском языке новейшего периода [Радбиль и др., 2021]. Исследования предыдущих лет [Русский язык ..., 2014; Радбиль и др., 2017] позволили выйти на новый уровень интерпретации актуальных явлений в русском языке, а именно — обосновать положение о том, что многие значимые инновации в лексике, словообразовании и грамматике русского языка обусловлены лингвопрагматическими факторами, которые коренятся в обстановке речи, в условиях речевой актуализации единиц, категорий и моделей языковой системы, в особенностях интенциональности коммуникантов и характере протекания речевого взаимодействия и под. В данной работе мы подробнее остановимся только на освещении лингвопрагматических эффектов в современном русском неологическом словообразовании.

Языковые инновации на уровне словообразования редко возникают спонтанно, сами по себе — чаще всего за их порождением стоят специфические интенции говорящего и адресата, их коммуникативные потребности, нетривиальная тематика общения и обстановка речи, особенности интеракции коммуникантов, их коммуникативных стратегий, тактик и пр.

Русское словообразование, в силу типологической специфики русского языка как языка сильно флективного типа, всегда было, есть и будет репрезентативной средой для порождения самых разнообразных языковых инноваций. Активные процессы в словообразовании — это, по сути, явления неодеривации, которые привязаны к конкретному временному промежутку, условно именуемому «новейший период» (примерно с начала 2000-х по настоящий момент). Неодериваты в русском языке могут создаваться по узуальным моделям словообразования (аффиксация, сложение, аббревиация, усечение, универбация и пр.) и с нарушением узуальных моделей (контаминация, заменительное словообразование, графодеривация и др.). И те, и другие, как правило, выполняют экспрессивную функцию,

1 В работе использованы языковые материалы из картотеки неодериватов в личном архиве доктора филологических наук, профессора Ларисы Викторовны Рацибурской.

порождают эффекты «языковой игры» и реализуют существенный оценочный потенциал [Русский язык ..., 2014]. Это обстоятельство как раз и обуславливает значительную роль лингвопрагматических механизмов в их образовании и функционировании в дискурсе.

Таким образом, мы можем сформулировать цель настоящего исследования — лингвопрагматический анализ активных процессов в современном русском неологическом словообразовании.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Современным стратегиям научного поиска в области лингвистической прагматики и теории речевых актов присущи усиление изначально имевшей место в них установки на междисциплинарность (использование методологии психологии, социологии, политологии и пр. [Scarantino, 2017; Orr et al., 2021]), активное внедрение экспериментальных методик [Noveck, 2021], тенденция к расширению исследовательской базы за счет включения разного рода специализированных (научно-технических, политических, социокультурных, медийных, сетевых и пр.) дискурсивных практик [Иссерс, 2020; Киреева, 2020; Радбиль и др., 2020]. Поэтому вполне закономерной является и идея использовать научный инструментарий современной лингвопрагматики для описания активных процессов в русском языке новейшего периода.

Активные процессы в языке также уже достаточно давно входят в сферу пристального исследовательского внимания лингвистов. Для современного состояния научного осмысления этого вопроса, с одной стороны, характерна установка на освещение новых явлений в языке через призму тенденции к интернационализации и глобализации [Fairclough, 2006; Русский язык ..., 2014; Коряковцева, 2018]; с другой стороны, в ряде исследований отчетливо заявляет о себе стремление вписать изменения в языке новейшего периода в контекст внутренних, ингерентных системных закономерностей в эволюции языка [Палоши, 2018; Николина и др., 2020], осмыслить их в духе отражения исконных национально обусловленных способов языковой концептуализации мира [Вежицкая, 1997; Радбиль и др., 2017]. При этом несколько в стороне оставались проблемы лингвопрагматической интерпретации активных процессов в речевой практике носителей языка. Этой тематике, однако, также посвящен ряд работ, вышедших в последнее время, например [Негрышев, 2020; Радбиль и др., 2020; Facchinetti, 2021], что в целом подтверждает валидность избранного нами в этой работе аспекта исследования.

Итак, методологической базой предлагаемого исследования является концепция комплексного, лингвокогнитивного, лингвопрагматического,

социолингвистического и лингвокультурологического описания активных процессов в русском языке [Русский язык ..., 2014; Радбиль и др., 2021].

На этом фоне была усовершенствована методика традиционного, системно-структурного словообразовательного анализа с привлечением элементов лингвопрагматического и когнитивно-дискурсивного научного инструментария [Радбиль и др., 2017], которая и используется в данной работе. Лингвопрагматический аспект применяемой методики заключается в выявлении и интерпретации роли неодериватов в выражении коммуникативных намерений участников общения, в актуализации в высказывании или тексте разного рода имплицитных смыслов, в реализации тех или иных коммуникативных стратегий, тактик и под.

Материалом исследования являются языковые данные современных российских СМИ, в том числе в интернет-формате, и контента неформальной интернет-коммуникации, представленного в социальных сетях и других источниках Рунета.

Далее в работе представлены основные результаты исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Из всего многообразия лингвопрагматических эффектов в речевом взаимодействии [Падучева, 2010] мы выбрали такие, в речевой актуализации которых, по нашим наблюдениям, неодериваты принимают самое непосредственное участие. В соответствии с этим в статье рассматриваются следующие лингвопрагматические механизмы, связанные с употреблением неодериватов, которые созданы как по узальным, так и по окказиональным словообразовательным моделям: (1) неодериваты в операциях с семантическими и прагматическими пресуппозициями; (2) неодериваты в операциях с инференциями и импликатурами дискурса; (3) неодериваты в реализации условий успешности речевого акта; (4) неодериваты в порождении косвенных речевых актов; (5) неодериваты в актуализации коммуникативных стратегий *de dicto* и *de re*; (6) неодериваты в контексте употребления метаязыковых операторов.

3.1. Неодериваты в операциях с семантическими и прагматическими пресуппозициями

Пресуппозиция относится к классу базовых, облигаторных имплицитных смыслов любого высказывания, поскольку отвечает за условия его истинности, то есть за его осмысленность в целом (ложность пресуппозиции не позволяет верифицировать пропозицию в качестве истинной или ложной, так как приводит к ее бессмысленности). Важным свойством пресуппозиции в логическом анализе естественного языка признается ее *не-*

устранимость — пресуппозиция не подлежит отрицанию в общеотрицательном суждении. Если говорящий хочет «повысить статус» выражаемой им информации (подчас сомнительной и спорной) до общечеловеческой истины, по умолчанию разделяемой всеми членами языкового коллектива, он помещает эту информацию в зону пресуппозитивных смыслов, памятуя о неустранимости пресуппозиций. Этот во многом манипулятивный прием называется «наведение (ложной) пресуппозиции» [Иссерс, 1999], или «ассерция, маскирующаяся под пресуппозицию» [Булыгина и др., 1997].

Например, высказывание, включающее неоператив *сверхковид*: *Инопланетное происхождение сверхковида еще не рассматривали* (eva.ru/fogum) — в зоне семантической пресуппозиции имеет весьма спорное утверждение ‘Сверхковид имеет инопланетное происхождение’. Нетрудно видеть, что при преобразовании данного некорректно построенного высказывания в нормативную конструкцию с делиберативом (типа *вопрос о ... , проблема ...* и под.), например, *Вопрос об инопланетном происхождении сверхковида еще не рассматривали* неаномальной становится и семантическая пресуппозиция: ‘Возможен для рассмотрения и вопрос об инопланетном происхождении сверхковида’.

Принято различать **пресуппозиции семантические** и **прагматические** — см., например [Падучева, 2010]. **Семантические пресуппозиции** в обязательном порядке выводятся из стандартной общезыковой лексической семантики слов, входящих в высказывание, и из его грамматических значений. Например, в высказывании *Жить стало лучше, жить стало веселее* имеется обязательная семантическая пресуппозиция ‘Жить до момента речи говорящего уже было хорошо и весело’. В порождении и употреблении неоперативов в русском языке новейшего периода активно эксплуатируется лингвопрагматический механизм имплицирования семантической пресуппозиции для выражения нетривиальной информации в целях достижения требуемого воздейственного эффекта:

Вправе ли мы считать эти настроения проявлением особого «озверизма» россиян? (Независимая газета, 12.10.2011). — Наводится семантическая пресуппозиция ‘В характере россиян имеется некое свойство «озверизма»’. Неоператив *озверизм*, в свою очередь, возводится к семантике исходного глагола *озвереть* ‘разг. Стать жестоким, злобным, уподобившись зверю и утратив человеческие качества’ [СЕ, 2000, т. I, с. 1123].

Сможет ли дочь Синди Кроуфорд повторить успех своей мегазнаменитой матери? (1-й телеканал, 11.03.2018). — Наводится семантическая пресуппозиция ‘Синди Кроуфорд добилась большого успеха и является мегазнаменитой’. Неоператив *мегазнаменитый* в этом контексте однозначен и неидиоматично прочитывается как ‘очень знаменитый’.

Часто при использовании дериватов, особенно образованных неузальным способом, эксплуатируются экзистенциальные пресуппозиции, или иначе «аксиомы существования» [Падучева, 2010] — типа *X делает Y*, с экзистенциальной пресуппозицией ‘Имеет место, существует X’: *Пора уйти от «бабловверия»*. <...> *Такие предостережения — признак заражения «бабловверием»* (Взгляд, 23.12.2014). — Здесь наводится экзистенциальная пресуппозиция ‘[В России у людей] имеется бабловверие’. Сам же неодериват *бабловверие* (на базе жаргонного *бабло* — собирательное от *бабки* ‘деньги’ [БСРПР, 2004, с. 31]), по аналогии с имеющимися в русском языке сложными словами с компонентом *–верие*, интерпретируется как ‘вера во всемогущество денег’. Это обстоятельство создает негативно-оценочную экспрессию по отношению к называемому явлению, которое достойно нравственного осуждения. Негативная оценка усиливается в контексте *заражение бабловверием*, в котором актуализуется имплицитное уподобление *бабловверия* заразной болезни.

Специфика использования неодериватов в операциях с семантически пресуппозициями заключается в том, что их употребление приводит к семантической компрессии, смысловой емкости выражения, реализующего несколько значений одновременно. Особенно усиливается указанный эффект семантической емкости в контекстах, в которых навязывание семантической пресуппозиции сочетается с действием других лингвопрагматических механизмов актуализации скрытых смыслов, например, с наведением умозаключения — *инференцией* (об инференциях см. далее, в подразделе 3.2 настоящей работы): *Впервые за последние 7 лет появилась навязчивая идея жениться <...> Согласен с детьми, с ипотекой, даже на постковидницу* (Московский комсомолец. 28.04.-04.05.2021).

В данном примере, с одной стороны, имплицитруется семантическая пресуппозиция: ‘Я готов жениться на постковиднице’, где неодериват *постковидница* означает ‘женщина, переболевшая ковидом’; с другой стороны, в данном контексте наводится нетривиальная ценностно ориентированная инференция — умозаключение о том, что в системе ценностей говорящего в ряд традиционных «минусов» для потенциальной невесты (наличие детей, долгов, отсутствие квартиры, денег и под.) включается еще и факт перенесенного ей коронавируса; более того, за счет употребления в контексте с выделительной частицей *даже*, перенесенный женщиной ковид на негативной части шкалы ценностей находится ниже, чем наличие детей и ипотеки.

Прагматические пресуппозиции — это также обязательные в семантической структуре высказывания имплицитные смыслы, которые содержат информацию, так сказать, «по умолчанию», то есть либо общеизвест-

ную, либо известную говорящему и адресату в общей для обоих апперцепционной базе, либо не стоящую внимания. Эти смыслы имплицитно выводятся из общего фонда знаний о мире. Так, для адекватного понимания высказывания: *Миша идет в школу* должны быть задействованы прагматические пресуппозиции, основанные на общих знаниях говорящего и слушающего о том, какой именно Миша совершает действие 'идти', в какую именно школу он идет, в каком месте и в какое время. В случае отсутствия таковых общих знаний говорящий для соблюдения принципа кооперации должен всю эту информацию вербализовать.

Применительно к интересующему нас языковому материалу неодеривации в языке СМИ или неформальной интернет-коммуникации, когда в роли адресата выступает неопределенно большая аудитория читателей или пользователей сети, в качестве общей базы апперцепции или общего фонда знаний о мире выступают так называемые «культурные знания», то есть имплицитная информация, так или иначе апеллирующая к культурному фону, принадлежащая, по словам В. В. Красных, «национальному культурному пространству» [Красных, 1997, с. 7].

Общепризнанными носителями подобного рода информации являются **прецедентные феномены**. Для нашего исследования важно, что инвариант восприятия прецедентных текстов входит в когнитивную базу личности, укорененной в культуре языкового сообщества [Там же, с. 7]. Тем самым, используя неодериваты, обыгрывающие семантику или структуру прецедентного текста, говорящий (автор) может так или иначе задействовать механизмы прагматических пресуппозиций с опорой на означенный общий культурный фон, объединяющий автора и его аудиторию. Так, в фрагменте: *Квартирно жить не запретишь. Как чиновники и депутаты отчитались о своих доходах* (Коммерсантъ, 14.04.2018) — наводится прагматическая пресуппозиция 'не запретишь (чиновникам) иметь много недвижимости в личной собственности', основанная на обыгрывании иронического потенциала расхожего устойчивого выражения «*Красиво жить не запретишь*» (стало популярным после выхода в 1982 году советского фильма с таким названием).

Часто для семантически емкого выражения негативной оценки изображаемого явления посредством прагматических пресуппозиций, апеллирующих к культурному фону, используются дериваты на основе прецедентных имен: *Пьезопечка Емели на нанодровах. Россиянам пообещали, что в 2021 году на дороги выведут беспилотные автомобили* (Наша версия, 21.08.2017). — Здесь за счет отсылки к герою всем известной народной сказки наводится прагматическая пресуппозиция 'Внедрение новых техно-

логий в стране с низким уровнем промышленного и научно-технического развития похоже на сказку, столь же неправдоподобно', а дериваты в экспрессивной форме выражают иронически сниженное отношение автора.

Прецедентное имя в деривате в таких случаях обыгрывания прагматической пресуппозиции для выражения негативной оценочности может отсылать не только к герою произведения, но и к реальной персоне: «*Кирковещина*», на мой взгляд, это не просто жанр, это вирус, вызывающий не только изжогу, но и тошноту, головные боли, инсульты, психические расстройства (Аргументы и факты, 06.06.2012). — В этом примере наводится прагматическая пресуппозиция обобщенно-символического характера: 'Киркоров (и все, что с ним связано) является воплощением дурного вкуса и пошлости, что вредно для нравственного здоровья населения', которая является средством выражения негативно-оценочной позиции автора по отношению к данному явлению.

3.2. Неодериваты в операциях с инференциями и импликатурами дискурса

От пресуппозиций обоих типов, которые закладываются в зоне говорящего, следует отличать разного рода нестрогие умозаключения, которые, по замыслу говорящего, должен уже сформировать сам слушающий. Общий термин для таких умозаключений — *инференция*. В работах Г. П. Грайса в таких случаях используется термин *импликация* как вид логического следования, в отличие от *импликатур дискурса*, которые опираются уже на другие, социально-психологические механизмы интеракции [Грайс, 1985] (подробнее об импликатурах дискурса — см. ниже в этом же подразделе 3.2). В современной лингвистической прагматике сознательный прием, направленный на имплицирование слушающим нестрогих умозаключений, именуется «подведение к (ложному) умозаключению» [Иссерс, 1999].

Под инференциями в общем виде понимаются выводные знания и сам когнитивный процесс их получения. В лингвистике в таких случаях говорят о неустойчивых механизмах извлечения новой информации из высказывания / текста [Падучева, 2004; Зализняк, 2006]. Ср. также мысль Е. С. Кубряковой о том, что инференция выступает как «одна из важнейших когнитивных операций человеческого мышления, в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек выходит за пределы данного и получает новую информацию» [Кубрякова и др., 1996, с. 33—34]. Например, в высказывании *Х пробежал 100 метров за 9,5 секунд* содержится инференция: 'Х установил мировой рекорд'.

В употреблении неодериватов очень часто эксплуатируются разнообразные механизмы подведения к новым умозаключениям, что вытекает

из общей направленности авторской неодеривации на смысловую компрессию выражения и тем самым — на его максимальный воздейственный эффект. В этих случаях нетривиальный новый смысл формируется, согласно определению Н. Н. Болдырева, именно «за счет имплицитного обращения к *другому концепту* (курсив наш. — Т. Р., Л. Я., И. П.), то есть на основе выводного, дополнительного знания» [Болдырев, 2014, с. 102]. В роли «других концептов», как правило, выступают исходные лексемы, подвергшиеся неодеривационным преобразованиям в целях имплицитирования в зоне адресата (в нашем случае — аудитории) нужной говорящему информации.

Например, наличие в неодеривате префиксоида *нано-* однозначно имплицитирует инференцию ‘что-то, имеющее отношение к самым передовым научным технологиям нашего времени’. Его прибавление к номинации одушевленных объектов (например, животных) всегда носит иронический характер и выступает как проявление «языковой игры»: *В Туве теперь живут нанобуренки и нановерблюды. Животным имплантировали уникальные наночипы* (Комсомольская правда, 13.06.2011).

В ряде инференций подобного рода присутствует ироническая буквализация исходной, этимологической семантики префиксоида *нано-* ‘что-то крайне малого размера → совсем незаметное → практически несуществующее’: *Минздрав назначил накопительные нанопенсии. Ежемесячные отчисления из зарплаты принесут пенсионерам по 40 рублей в месяц* (Российский писатель, 05.09.2021).

Также интересен префиксоид *пол-* (*полу-*), который в норме обозначает ‘половина чего-либо’, но при порождении окказиональных неодериватов приобретает инференцию ‘не осуществленный до конца’ или даже ‘неполноценный’ → ненастоящий, мнимый’: *Директор Центра изучения стран Ближнего Востока и Центральной Азии Семён Багдасаров в интервью радиостанции «Говорит Москва» заявил, что нужно прекратить быть «полупатриотами» и выработать политику противодействия США и Турции в сирийском вопросе* (Говорит Москва, 09.04.2017).

В сложных неодериватах на базе исходной семантики аббревиации *VIP* (*ВИП*) ‘лицо с высоким социальным статусом’, которая присоединяется к слову с корнем, обозначающим общественно порицаемое деяние, имплицитируется инференция ‘безнаказанно нарушать нормы морали и права, пользуясь особыми привилегиями’: *VIP-браконьерство. Инспектор комитета разрешил чиновнику стрелять зайцев* (Взгляд-Инфо, Саратов, 25.12.2020).

Еще один лингвопрагматический механизм имплицитирования информации в зоне адресата связан с понятием *импликатуры дискурса*. В отличие

от инференций (логических импликаций) имплицатуры дискурса (или **коммуникативные имплицатуры**), в концепции Г. П. Грайса, выступают как разновидность небуквальной информации, которую адресату предлагается самостоятельно сформировать из сказанного, исходя из предположения, что говорящий не нарушает принцип кооперации, соблюдает все постулаты общения Г. П. Грайса (то есть что его высказывание искренне, содержательно, нетавтологично и не вводит адресата в заблуждение кажущейся неинформативностью или алогичностью) [Грайс, 1985]. На имплицатуры дискурса опирается адекватная небуквальная интерпретация слушающим разного рода стилистических приемов — тавтологий (типа *Женищина есть женищина!*), каламбуров (типа *Заниматься не своим телом*), экивоков (типа *Деньги я не сохранил, потому что у меня их и не было!*), амфиболий (типа *Казнить нельзя помиловать*), оксюморонов (типа *живой труп*), алогизмов (типа *Ехала деревня мимо мужика*) и пр. [Падучева, 1996].

Применительно к интересующему нас неодеривационному материалу имплицатуры дискурса, как правило, задействуются в новообразованиях каламбурного типа, использующих разнообразные эффекты «языковой игры» посредством актуализации узуальных или незузуальных способов словообразования. Например, в заголовке новостного материала **Недомать и недочеловек** (Вечерняя Москва, 19.03.2019), посвященного судебному делу женщины, которая забила насмерть собственного пятилетнего ребёнка, префиксальный неодериват *недомать* в каламбурном использовании стилистического приема морфемной анафоры (вместе с узуальным словом *недочеловек*) порождает негативно оценочную имплицатуру дискурса ‘Названная этим словом женщина недостойна именоваться ни матерью, ни человеком’.

Аналогичное каламбурное использование приема морфемной анафоры осуществляется и в порождении неодериватов с префиксоидом *полу-* в следующем примере: *Это — обычные черты обывательской массы, **полуобразованной, полуграмотной, полукультурной**; это — кафр и готтентот Герцена, его победивший мещанин, трусливый и свирепый лавочник Вилья-Адана, торжествующий хам Мережковского* (Правмир, 23.08.2012). — Здесь наводится негативно-оценочная имплицатура ‘Обыватели всегда обладают неполноценным образованием, грамотностью и культурой’.

Также отметим каламбурное использование неодериватов в составе выражений, порождающих разнообразные коммуникативные имплицатуры при актуализации стилистического приема контаминации (напомним, что так же называется и сам соответствующий способ окказионального словообразования): *С **футболью** в сердце. Жеребьевка ЧМ-2018 была полна скрытых интриг и переживаний* (Коммерсантъ, 26.07.2015). — Здесь за

счет контаминации лексем *футбол* + *боль* наводится импликатура дискурса: 'Все, что связано с футболом, способно вызывать сильные душевные переживания'. В дальнейшем контексте уже в эксплицитном формате данная импликатура конкретизируется, наполняется привязанным к описываемой ситуации содержанием.

Каламбурное использование неодериватов в стилистическом приеме контаминации видим и в следующем примере: *Лингвистическая корона-вирусистика* (philfak.ru. 05.05.2020). — Здесь наводится импликатура дискурса 'направление в лингвистическом изучении русского языка, которое занимается исследованием изменений в русском языке, вызванных пандемией коронавируса'. Отметим опять же значительную степень смысловой компрессии, которая достигается за счет употребления неодеривата.

3.3. Неодериваты в реализации условий успешности речевого акта

Условия успешности — это совокупность сопутствующих речевому акту объективных и субъективных правил, которые должны быть соблюдены для его успешного, эффективного осуществления. Адекватная или неадекватная реализация *условий успешности* является еще одной разновидностью специфической имплицитной информации в порождении речевых актов, обоснованной в работах Дж. Р. Серля, который говорит о четырех группах условий: (1) подготовительные, или предварительные условия, (2) существенные условия, или условие назначения, (3) условия искренности, (4) условия ограничения на пропозициональное содержание [Серль, 1985].

В интересующем нас материале неодериваты часто активно участвуют в порождении речевых актов, так или иначе нарушающих условие искренности и / или условие назначения. Это происходит, когда в пределах одного речевого акта сталкиваются две взаимоисключающие иллюкутивные силы, что приводит к конфликту условий успешности. Так, одна из тем на форуме носит название *Здравствуй, коронавирус?* (<https://forums.go4a.ru>) — это приводит к явлению одновременной актуализации в речевом акте двух несовместимых иллюкутивных сил — приветствия и вопроса. В концепции Ю. Д. Апресяна такие случаи трактуются как подлинно языковые аномалии (говорящий в норме не может одновременно иметь противоречивые коммуникативные намерения; также речевой акт приветствия не может быть обращен к не-лицу) [Апресян, 1995]. Кроме того, здесь в модусе «языковой игры» эксплуатируется неадекватная реализация условия искренности: автор как бы выражает неприятие ситуации, когда нужно приветствовать нежданного «гостя» в лице коронавируса, и иронически призывает аудиторию разделить с ним данную установку в емкой и образной форме.

Аналогичный конфликт условий успешности наблюдается и в случаях, когда неодериват с семантикой не-лица употребляется в позиции адресата, к которому обращаются, в контексте речевого акта благодарности: *Вот спасибо тебе тогда будет короновирушка наш — накормилец!* (fakeoff.org. 18.03.2020). — Здесь также можно видеть ироническое обыгрывание ситуации благодарности по отношению к одушевленному источнику страшной болезни.

Обращение к ковиду на ВЫ как к одушевленному лицу, с которым говорящий находится в неформальных, близких отношениях, в примере: *Ковидушка, вам нравится?* (<https://every-news.com>) — выражает такое же «игровое» ироническое нарушение условия искренности: эмпатия выражена по отношению к сущности, в норме такого чувства не заслуживающей.

3.4. Неодериваты в порождении косвенных речевых актов

В реальном речевом взаимодействии людей значительное место занимают так называемые *косвенные речевые акты*, в которых эксплицируется одна иллокутивная сила (коммуникативная цель высказывания), но конвенционально имеется в виду другая (например, вежливая просьба в форме вопроса, сильное утверждение в форме риторического вопроса и пр.) [Серль, 1985]. Так, в форме риторического вопроса: *Уж не с Натальей ли Водяновой собрался под венец телебосс?* (Комсомольская правда, 26.08.2010) — актуализуется скрытое утверждение ‘Телебосс собрался под венец с Натальей Водяновой’. Вопрос: *Почему нельзя обсудить псевдочастную инициативу?*... (радио «Вести FM», 27.10.2017) — маскирует имплицитное сильное утверждение с модальностью долженствования: ‘Необходимо обсудить *псевдочастную* инициативу’.

Неодериваты могут участвовать в порождении косвенного речевого акта, как правило, в случаях, когда автор выражает неочевидное мнение, спорное суждение, нетривиальную или могущую быть неоднозначно воспринятой информацию. Например, в форме риторического вопроса: *Так ли страшен коронавирус, как его рисуют?* (<https://www.putevka.com>) косвенно выражается утверждение ‘коронавирус не так страшен, как это представляют’ с целью вызвать у аудитории сомнение в правильности неких общепринятых истин.

А тут уже программу разработали по определению подлинности куар кода, который присваивают тем, кто позволил ввести в своё тело вещество, которое предположительно является спасением от той болезни. Какие ещё нужны доказательства слепым людям, верящим в ковидобесие? (ngs24.ru, 08.12.2021). — Здесь новообразование *ковидобесие* в режиме косвенного акта риторического вопроса участвует в формировании скрытого утверждения ‘Слепым людям, верящим в ковидобесие, больше

не нужны никакие доказательства'. Само же употребление этого неодеривата усиливает выражение негативно-оценочной позиции автора по отношению к изображаемому.

3.5. Неодериваты в актуализации коммуникативной стратегии *de re*

К лингвопрагматическим механизмам осуществления речевого взаимодействия также относятся разнообразные коммуникативные стратегии и тактики как отражение специфики речеповеденческих установок коммуникантов. В их числе находятся известные еще со времен античной риторики стратегии *de dicto* (буквально от лат. 'от сказанного') и *de re* (буквально от лат. 'от реалии, факта') [Булыгина и др., 1997]. Эти стратегии различаются подходом к описанию ситуации или изложению чужого мнения. В соответствии со стратегией *de dicto* события освещаются «как они есть», то есть в объективном изложении, а чужое мнение излагается с позиции субъекта данного мнения. Это согласуется с правилами кооперативного общения, нацеленного на коммуникативное сотрудничество. В соответствии же со стратегией *de re* события переосмысляются в нужном для говорящего ключе, а чужое мнение перетолковывается посредством номинаций, отражающих уже точку зрения самого говорящего. Выбор манипулятивной речевой стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto*, как правило, является приемом «речевой демагогии» [Там же, с. 474].

Согласно нашим наблюдениям, новообразования в современной русской речи очень часто используются в рамках стратегии *de re* для изображения и интерпретации излагаемых событий и фактов в нужном для автора свете. В примере из интервью: — *Это лицензирование?* // — *Скорее квазилицензирование. Механизм позволит экспортировать нефтепродукты только их производителям и только при соблюдении ими условий о приоритетном снабжении нефтепродуктами внутреннего рынка* (Коммерсантъ, 27.03.2019) — можно видеть сам лингвопрагматический механизм трансформации исходной стратегии *de dicto* в стратегию *de re* (переименование лицензирования в квазилицензирование).

Увы, вместо «легких Москвы» мы получили незаконные *мега-свалки*, гигантские *супер-кладбища* и промышленную зону рядом с густонаселенным Троицком, обрастающую нелегальными асфальтовыми заводами (Livejournal, 07.12.2017). — Здесь неодериваты *мега-свалки* и *супер-кладбища* используются для усиления экспрессии в негативно-оценочной переинтерпретации сложившейся ситуации с загрязнением окружающей среды в Подмоскowie.

В нашем материале обнаружен примечательный пример развернутого последовательного использования цепочек окказиональных диминутивов в качестве средств актуализации стратегии *de re*:

Все дело, господа, в суффиксах. Ну вот у них на Западе что? Эпидемия, пандемия, ковидище. А у нас? Легкая пандемийка ковидика. Небольшой подъемчик зараженьиц заболеваньицем // Так мы и со всем этим отлично справимся. У нас же везде пунктики вакцинации есть. Главное, режимчик соблюдать и всюду ходить в масочках и перчаточках. <...> А проблемки — решим: выйдем нарушителям штрафики. И будем все соблюдать режимчик. А то ишь (Независимая газета, 28.04.21).

Здесь в иронически-сниженном, негативно-оценочном плане осуществляется речевая стратегия дискредитации комплекса мероприятий по борьбе с пандемией ковида. Целый комплект неодериватов участвует в речевой реализации риторической фигуры **амплификации** — намеренного нагромождения, сгущения в одном фрагменте дискурса однотипных средств языковой экспрессии. Отметим, что амплификация подобного рода обычно квалифицируется в качестве такого приема «речевой демагогии», как «магия слова» [Булыгина и др., 1997, с. 475—476].

3.6. Неодериваты в контексте употребления метаязыковых операторов

В наших работах [Русский язык ..., 2014] рассматриваются специфические лингвопрагматические механизмы, связанные с использованием в дискурсе разнообразных **метаязыковых операторов**, которые, вместо ожидаемой от них задачи уточнения, пояснения, разъяснения того, что имеется в виду в исходном высказывании, на самом деле трансформируют значение комментируемого выражения или его оценочность в требуемом для автора направлении. Речь идет прежде всего о метаязыковых комментариях типа *в хорошем смысле слова, в буквальном смысле слова, в истинном смысле слова, в прямом смысле слова* и под.

Неодериваты в контексте употребления указанных метаязыковых комментариев способствуют тому, что эксплицированная семантика метаязыкового комментария приходит в противоречие со смыслом комментируемого высказывания. Так, например, при интерпретации фрагмента: *Мое обращение является в буквальном смысле ковидным. К сожалению, вирус не обошел меня стороной* (bbc.com/russian/news) — трудно представить себе какой-то иной, не буквальным способ интерпретации прилагательно-го *ковидный* в данном прямом, экстенциональном контексте.

Сейчас сложилась необычная ситуация, организации, которых есть в справочниках в прямом смысле слова «заспамлены» всякими коммерческими предложениями, при этом остальным пишут мало или совсем не пишут (nanoprotech.global/blog). — В данном примере метаязыковой комментарий, воспринимаемый в буквальном значении, представляется избы-

точным, потому что, как можно судить из контекста, неодериват *заспамлены* употреблен как раз в прямом значении (причастие от глагола *заспамить* ‘интернет. Посылать большому числу людей спам — нерелевантные электронные сообщения’ [НСиЗ, 2014, т. III, с. 988]) — и вряд ли имеет альтернативную, небуквальную интерпретацию. В подобных контекстах метаязыковой комментарий употребляется в роли обычной усилительной частицы для акцентирования нужного автору сегмента высказывания.

В наших работах также освещается особая роль метаязыкового комментария *в хорошем смысле (слова)*, включение которого в дискурс означает выражение так называемой *псевдоценности*, то есть ситуативной, относительной ценности, которая может быть таковой не аксиоматически, а лишь при определенных условиях [Радбиль, 2011]. Неодериваты в контексте данного метаязыкового комментария выступают диагностическим признаком того, какие явления и понятия в современной действительности относятся к числу псевдоценностей, то есть ценностей мнимых, излишне претенциозных:

— *Мне был брошен вызов, что я не смогу без дополнительной раскрутки и продвижения с каким-нибудь роликом в хорошем смысле хайпануть* (Новая газета, 2018.03.15). — Данный пример свидетельствует о том, что без «магического» оправдательного метаязыкового комментария *в хорошем смысле (слова)* аудитория по умолчанию не воспримет неодериват *хайпануть* (однокр. к *хайпить* ‘неол., жарг. Прославиться в чем-либо; резко стать популярным в чем-либо’ [СМС, 2021]) как что-то безусловно хорошее, полезное, нужное (что, очевидно, входило в интенцию говорящего). Значит, в языковом сознании носителей языка называемое этим словом явление выступает, скорее, как антиценность, точнее, ценность мнимая, ложная, то есть псевдоценность.

4. Заключение = Conclusions

В целом наше исследование подтвердило мысль о том, что недостаточно просто констатировать наличие разнообразных новых явлений в русском словообразовании новейшего периода и определить узуальные или окказиональные способы их деривации. Анализ показал правомерность установки на интерпретацию новообразований в контексте выполняемой ими роли в осуществлении речевого взаимодействия носителей языка, коммуникативно-прагматических факторов образования и функционирования неодериватов для реализации специфических интенций участников коммуникации, для выражения нетривиального содержания и / или необщепринятых оценок тех или иных явлений в современном обществе.

Узуальные и неuzuальные новообразования в современной русской речи обнаруживают значительный лингвокреативный потенциал нашего

языка, что связано с общими тенденциями «языкового существования» нашего времени — активизацией игрового, «карнавального» начала и установкой на несколько несерьезное, иронически остраненное отношение к жизни, на тотальную «развлекательность» и облегченное восприятие проблем, на определенную девальвацию традиционных ценностей общества и его нравственный релятивизм.

С другой стороны, неодериваты наших дней «яркими мазками» рисуют потрет нашей действительности, открывают новые нетривиальные области физической, социальной и психологической реальности, требующие осмысления и — тем самым — «оязыковлечения». Они в образном и экспрессивном формате свидетельствуют об общественных умонастроениях, о ценностных приоритетах и речеповеденческих стереотипах носителей современного русского языка.

Источники и принятые сокращения

1. БСРПР — *Химик В. В.* Большой словарь русской разговорной речи / В. В. Химик. — Санкт-Петербург : Норинт, 2004. — 768 с. — ISBN 5-7711-0202-4.
2. НСИЗ — *Новые слова и значения.* Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. XX века : В 3-х т. / Под ред. Т. Н. Буцевой, Е. А. Левашова. Ин-т лингвистических исследований РАН. — Санкт-Петербург : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. — Т. I (А–К). — 816 с. ; Т. II (Клиент–банк–Паркетный). — 1392 с. ; Т. III (Паркомат — Я). — 1360 с.
3. СЕ — *Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2-х т. / Т. Ф. Ефремова. — Москва : Русский язык, 2000. — Т. I. — 1222 с. ; Т. II. — 1088 с. — ISBN 5-200-02802-7.
4. СМС — *Словарь* молодежного сленга [Электронный ресурс]. — [Портал Terminy.info : Энциклопедии, словари, справочники–онлайн. — Режим доступа : <http://www.terminy.info/jargon/dictionaries-of-teen-slang/> (дата обращения 18.11.2021).

Литература

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды : в 2-х т. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки русской культуры, 1995. — Т. II. — 767 с. — ISBN 5-88766-045-7.
2. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику / Н. Н. Болдырев. — Тамбов : ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. — 235 с. — ISBN 978-5-89016-938-9.
3. *Булыгина Т. В.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — 576 с. — ISBN 5-88766-051-1.
4. *Вежицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая ; перевод с английского-го ; отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз. — Москва : Русские словари, 1997. — 416 с. — ISBN 5-89216-002-5.
5. *Грайс Г. П.* Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике : Лингвистическая прагматика. — Москва : Прогресс, 1985. — Выпуск 16. — С. 217—237.

6. *Зализняк А. А.* Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. — Москва : Языки славянских культур, 2006. — 672 с. — ISBN 5-9551-0114-4.
7. *Иссерс О. С.* Более полувекa под зонтиком коммуникативных стратегий / О. С. Иссерс // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 2. — С. 243—256. — DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256.
8. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Омск : Омский государственный университет, 1999. — 285 с.
9. *Киреева Е. З.* Фактор адресата в тексте официального документа (на материале указов губернатора Тульской области, изданных в связи с распространением Covid-2019) / Е. З. Киреева // Научный диалог. — 2020. — № 1 (8). — С. 108—122. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-108-122.
10. *Коряковцева Е. И.* Интернационализация, демократизация и «медиатизация» славянских языков в условиях глобализации (словообразовательный аспект) / Е. И. Коряковцева // Globalizacja a języki słowiańskie (Globalization and Slavic languages) / Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach. — Siedlce : Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2018. — S. 33—47.
11. *Красных В. В.* Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : сборник статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва : Филология, 1997. — Выпуск 2. — С. 5—12.
12. *Кубрякова Е. С.* Инференции / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, П. Г. Лузина // Краткий словарь когнитивных терминов (КСКТ) / Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. — Москва : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — С. 33—35. — ISBN 5-89042-018-1.
13. *Негрышев А. А.* Псевдосенсация в Интернете : опыт лингвистического описания / А. А. Негрышев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020. — Т. 19. — № 2. — С. 43—53. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.2.4.
14. *Николина Н. А.* Новые явления в сфере деривационных формантов как отражение динамики словообразовательной системы русского языка / Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская, В. Г. Фатхутдинова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020. — Т. 19. — № 2. — С. 5—19. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.2.1.
15. *Падучева Е. В.* О семантике просодических сдвигов и вкладе просодии в семантику предложения / Е. В. Падучева // Известия РАН. Серия литературы и языка. — 2004. — № 5. — С. 10—15.
16. *Падучева Е. В.* Семантические исследования : Семантика времени и вида в русском языке ; Семантика нарратива. — 2-е изд., испр. и доп. / Е. В. Падучева. — Москва : Языки славянской культуры, 2011. — 480 с. — ISBN 978-5-9551-0431-7.
17. *Палоши И. В.* Семантика диминутивности в сфере глаголов / И. В. Палоши // Национальные коды в языке и культуре. Язык и культура : Сборник статей по материалам Международной научной конференции «Национальные коды в языке и культуре». — Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2018. — С. 214—223.
18. *Радбиль Т. Б.* Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса : лингвокогнитивный аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, И. В. Палоши // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 63—79. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.
19. *Радбиль Т. Б.* Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте Интернета / Т. Б. Радбиль, А. И. Помазов // Вестник Волгоградско-

го государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2020. — Т. 19. — № 1. — С. 140—153. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>.

20. Радбиль Т. Б. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке : лингвокультурологический аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская // Мир русского слова. — 2017. — № 2. — С. 33—39.

21. Радбиль Т. Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчезновения / Т. Б. Радбиль // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6. — Ч. 2. — С. 569—573.

22. Русский язык начала XXI века : лексика, словообразование, грамматика, текст : Коллективная монография / под ред. Л. В. Рацибурской. — Нижний Новгород : Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2014. — 325 с. — ISBN 978-5-91326-277-6.

23. Серль Дж. Р. Косвенные речевые акты / Дж. Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике : Теория речевых актов. — Москва : Прогресс, 1986. — Выпуск 17. — С. 195—222.

24. Facchinetti R. News discourse and the dissemination of knowledge and perspective : From print and monomodal to digital and multisemiotic / R. Facchinetti // Journal of Pragmatics. — April 2021. — Vol. 175. — Pp. 195—206. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.01.015>.

25. Fairclough N. Language and Globalization / N. Fairclough. — London, New York : Routledge, 2006. — 188 p. — ISBN 978-0-415-31765-8.

26. Noveck I. Review of Experimental Pragmatics : The Making of a Cognitive Science / I. Noveck. — Cambridge UK : Cambridge University Press, 2021. — 282 p.

27. Orr Sh. Predicating Truth : An empirically based analysis / Sh. Orr, M. Ariel // Journal of Pragmatics. — November 2021. — Vol. 185. — Pp. 131—145. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.005>.

28. Scarantino A. How to Do Things with Emotional Expressions : The Theory of Affective Pragmatics / A. Scarantino // Psychological Inquiry. — 2017. — № 28 (2—3). — Pp. 65—185. — DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951.

Material resources

Chemist, V. V. (2004). *Big dictionary of Russian colloquial speech*. St. Petersburg: Norint. 768 p. ISBN 5-7711-0202-4. (In Russ.).

Dictionary of youth slang. [Portal Terminy.info: Encyclopedias, dictionaries, reference books-online]. Available at: <http://www.terminy.info/jargon/dictionaries-of-teen-slang/> (accessed 18.11.2021). (In Russ.).

Efremova, T. F. (2000). *New dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation: In 2 volumes, I / II*. Moscow: Russian Language. 1222 p; 1088 p. ISBN 5-200-02802-7. (In Russ.).

New words and meanings. Dictionary-reference on materials of the press and literature of the 90s of the XX century: In 3 volumes, I (A–K) / II (Client-Bank-Parquet) / III (Parking meter — I). Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. (2014). St. Petersburg: DMITRY BULANIN. (In Russ.).

References

Apresyan, Yu. D. (1995). *Selected works: In 2 volumes, II. Integral description of the language and system lexicography*. Moscow: Languages of Russian Culture. 767 p. ISBN 5-88766-045-7. (In Russ.).

- Boldyrev, N. N. (2014). *Cognitive semantics. Introduction to Cognitive Linguistics*. Tambov: TSU named after G. R. Derzhavin. 235 p. ISBN 978-5-89016-938-9. (In Russ.).
- Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1997). *Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)*. Moscow: Languages of Russian Culture. 576 p. ISBN 5-88766-051-1. (In Russ.).
- Facchinetti, R. (2021). News discourse and the dissemination of knowledge and perspective: From print and monomodal to digital and multisemiotic. *Journal of Pragmatics*. April, 175: 195—206. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.01.015>.
- Fairclough, N. (2006). *Language and Globalization*. London, New York: Routledge. 188 p. ISBN 978-0-415-31765-8.
- Grice, G. P. (1985). Logic and speech communication. In: *New in foreign linguistics: Linguistic pragmatics*, 16. Moscow: Progress. 217—237. (In Russ.).
- Issers, O. S. (1999). *Communicative strategies and tactics of Russian speech*. Omsk: Omsk State University. 285 p. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2020). More than half a century under the umbrella of communicative strategies. *Communicative research*, 7 (2): 243—256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256. (In Russ.).
- Kireeva, E. Z. (2020). Addressee factor in Text of the Official Document (Decrees of Governor of Tula Region, Issued in Connection with the Spread of Covid-2019). *Nauchnyi dialog*, 8: 108—122. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-108-122. (In Russ.).
- Koryakovtseva, E. I. (2018). Internationalization, democratization and “mediatization” of Slavic languages in the context of globalization (word-formation aspect). In: *Globalizacja a języki słowiańskie (Globalization and Slavic languages) / Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach*. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach. 33—47. (In Russ.).
- Krasnykh, V. (1997). The System of precedent phenomena in the context of modern research. In: *Language, consciousness, communication: collected articles*, 2. Moscow: Philology. 5—12. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, P. G. (1996). Inference. In: *Concise Dictionary of cognitive terms (KSKT)*. Moscow: Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. 33—35. ISBN 5-89042-018-1. (In Russ.).
- Negryshev, A. A. (2020). Pseudosensation on the Internet: experience of linguistic description. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistic*, 19 (2): 43—53. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.2.4. (In Russ.).
- Nikolina, N. A., Ratsiburskaya, L. V., Fatkhutdinova, V. G. (2020). New phenomena in the sphere of derivational formants as a reflection of the dynamics of the word-formation system of the Russian language. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 19 (2): 5—19. DOI: 10.15688/jvolsu2.2020.2.1. (In Russ.).
- Noveck, I. (2021). *Review of Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science*. Cambridge UK: Cambridge University Press. 282 p.
- Orr, Sh., Arie, M. (2021). Predicating Truth: An empirically based analysis. *Journal of Pragmatics*. November, 185: 131—145. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2021.09.005>.
- Paducheva, E. V. (2004). On the semantics of prosodic shifts and the contribution of prosody to the semantics of the sentence. *News of the Russian Academy of Sciences. A series of literature and language*, 5: 10—15. (In Russ.).

- Paducheva, E. V. (2011). *Semantic research: Semantics of time and type in the Russian language; Semantics of narrative. 2nd ed., ispr. and add.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 480 p. ISBN 978-5-9551-0431-7. (In Russ.).
- Paloshi, I. V. (2018). Semantics of diminutivity in the sphere of verbs. In: *National codes in language and culture. Language and culture: A collection of articles based on the materials of the International Scientific Conference "National codes in language and culture"*. Nizhny Novgorod: DECOM. 214—223. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2011). "The language of values" in modern Russian speech and the ways of its calculus. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 6 (2): 569—573. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Pomazov, A. I. (2020). Precedent phenomena as a means of creating attractiveness in the polycode text of the Internet. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 19 (1): 140—153. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Ratsiburskaya, L. V. (2017). Word-formation innovations based on borrowed elements in the modern Russian language: linguoculturological aspect. *The world of the Russian word*, 2: 33—39. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Ratsiburskaya, L. V., Paloshi, I. V. (2021). Active Processes in the Vocabulary and Word Formation of the Russian Language in the Era of Coronavirus: Linguo-Cognitive Aspect. *Nauchnyi dialog*, 1: 63—79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79. (In Russ.).
- Ratsiburskaya, L. V. (2014). *Russian language of the beginning of the XXI century: vocabulary, word formation, grammar, text: Collective monograph*. Nizhny Novgorod: Publishing House of N. I. Lobachevsky National State University. 325 p. ISBN 978-5-91326-277-6. (In Russ.).
- Scarantino, A. (2017). How to Do Things with Emotional Expressions: The Theory of Affective Pragmatics. *Psychological Inquiry*, 28 (2—3): 65—185. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951.
- Searle, J. R. (1986). Indirect speech acts. *New in foreign linguistics: Theory of speech acts*, 17. Moscow: Progress. 195—222. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A. (1997). *Language. Culture. Cognition*. Moscow: Russian Dictionaries. 416 p. ISBN 5-89216-002-5. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A. (2006). *Polysemy in language and ways of its representation*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 672 p. ISBN 5-9551-0114-4. (In Russ.).